

П.Н. Краснов

Ненависть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К77

Краснов П.Н.
К77 Ненависть / П.Н. Краснов – М.: Книга по Требованию, 2022. – 242 с.

ISBN 978-5-4241-1814-2

Известный писатель русского зарубежья генерал Петр Николаевич Краснов в своем романе "Ненависть" в первую очередь постарался запечатлеть жизнь русского общества до Великой войны (1914 — 1918). Противопоставление благородным устремлениям молодых патриотов России низменных мотивов грядущих сеятелей смуты — революционеров, пожалуй, является главным лейтмотивом повествования. Не переоценивая художественных достоинств романа, можно с уверенностью сказать, что "Ненависть" представляется наиболее удачным произведением генерала Краснова с точки зрения охвата двух соседствующих во времени эпох — России довоенной, процветающей и сильной, и России, где к власти пришло большевистское правительство.

ISBN 978-5-4241-1814-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© П.Н. Краснов, 2022

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Гурочка проснулся отъ легкаго стука. Онъ открыль глаза. Быль тотъ зимній ночной сумракъ, когда отблески снѣга на крышахъ, падая на плоскую бѣлую холщевую штору, разгоняють ночную темноту и дають приятное, ровное и будто печальное освѣщеніе комнаты. На полу у печки сидела Параша. Это она сбросила беремя сосновыхъ дровъ и, открывъ чугунную заслонку, накладывала дрова въ печку.

Все въ комнатѣ было съ самаго ранняго дѣтства знакомо и изучено Гурочкой. Въ темнотѣ угадываль Гурочка выпуклую гирлянду цвѣтовъ и фруктовъ на черной дверцѣ печки. Противъ Гурія, у другой стѣны спаль крѣпкимъ сномъ его братъ Ваня. За головою Гурія стояль его небольшой письменный столъ, на немъ лежала гора книгъ-учебниковъ и сбоку крытый тюленемъ ранецъ со старыми порывѣлыми плечевыми ремнями съ мѣдными кольцами.

Параша чиркнула спичку о заслонку и стала разжигать лучину растопокъ. Въ мерцающемъ, неравномъ пламени заходили, запрыгали по стѣнѣ со старыми сѣрыми въ полоску обоями страшныя, уродливыя тѣни. Проста и бѣдна была обстановка Гурочкиной комнаты. Желтой охрой крашенный полъ облупился, и длинныя бѣлесыя щели шли по нему. На простомъ «Тонетовскомъ» стулѣ было сложено платьѣ Гурочки, на другомъ такомъ же стулѣ лежало платьѣ Вани.

Параша сунула пучекъ лучинъ въ устьѣ печки. Ярко вспыхнула бумага, весело загрещали сухія дрова, пахнуло дымомъ и смолою.

«Да въдь у насъ черезъ десять дней Рождество», — подумаль Гурочка.

Онъ зналь, что это называется: — «ассоціація идей». Запахъ смолы напомнилъ елку, а елка Рождество.

И уже нельзя было дальше спать. Въ мысли о Рождествѣ была совсѣмъ особая магія — вся душа Гурочки вострепнулась, какъ птичка съ восходомъ солнца. И что-то радостное и прекрасное запѣло въ его юной душѣ.

Параша, сидя на желѣзномъ листѣ подлѣ печки, подождала, пока не загудѣло въ печкѣ пламя и не задрожала, дребежжа, внутренняя тонкая заслонка съ квадратными вырѣзами-оконцами по низу. Тогда она встала, забрала платьѣ молодыхъ господъ и ушла.

Гурочка думаль: — «Рождество подходитъ и какъ это оно такъ незамѣтно подкралось? Значить, вѣроятно, привезли уже и елки? И повсюду въ городѣ, на рынкахъ, на Невскомъ, у Думы, въ Гостиномъ Дворѣ, на Конно-Гвардейскомъ бульварѣ — елки. Цѣлые лѣса елокъ. Во всѣхъ магазинахъ выставки игрушекъ и подарковъ. Надо пойдти...». «Съ кѣмъ? Ну, конечно, съ сестрой Женей. Она такая чуткая и такъ они, братъ и сестра, хорошо другъ друга понимаютъ...».

«Уроки — первый латинскій — не спросятъ, вчера вызывали... Второй — русскій — не боюсь, знаю... Третій — Законъ Божій... Ну, батюшку надо будеть «заговорить». Пусть разскажетъ о елкахъ... Откуда такой обычай?.. Чей онъ?.. Тяжело теперь батянь... Въ пятомъ ихъ классѣ новая мода — быть невѣрующими... Послѣ Закона Божія — математика — урокъ Гурочкина отца, прозваннаго гимназистами «косинусомъ». Папа врядь-ли вызоветъ... Да, пожа-

луй, и спѣвка будетъ, вотъ и не будетъ урока...

И сладкое чувство свободы, предпраздничнаго настроенія и радости жизни вдругъ охватило Гурочку. Онъ едва дождался прихода Параша съ платьемъ и сталь одѣваться.

— Куда вы, баринь?.. Еще только полъ восьмого. Мамаша наврядъ-ли встамши.

— Хочу, Параша, къ рынку до уроковъ пробѣжать посмотреть, не привезли-ли елки...

— И то... Надо быть, что и привезли.

Гурочка выбѣжалъ изъ комнаты.

* * *

Только начинало свѣтать. Въ синихъ туманахъ тонули дали Ивановской улицы. Было холодно. За ночь снѣгъ напалъ и подбѣлили разбѣзженныя улицы съ пожелтѣвшими колеями. Дворники дружно скребли желѣзными скребками панели. Пухлыя грядки снѣга ложились поперекъ скользкихъ обледенѣлыхъ плитъ. Кое где уже было посыпано хрустящимъ подъ ногами желтымъ, рѣчнымъ пескомъ.

На широкой и пустынной въ этомъ мѣстѣ Николаевской подуваль ледяной вѣтерокъ съ Семеновскаго плаца. Морозъ крѣпко кусаль за уши и за носъ.

Желтые и скучные по улицамъ еще горѣли фонари и говорили о прошедшей длинной ночи. Уже издали увидалъ Гурочка въ бѣлыхъ волнахъ морознаго тумана, парящихъ на холоду мелкихъ крестьянскихъ лошадокъ, низкія деревенскія розвальни и елки. Онъ ускоришь шаги.

У Косога рынка, съ колоннами высокой галлерей, съ широкими отверстіями подваловъ внизу, мужики выгружали елки. Пахнуло душистымъ лѣснымъ запахомъ моха и хвои. Сладостно защемило сердце Гурочки.

Въ утреннемъ морозномъ воздухѣ рѣдкіе голоса звучали глухо. Низко опустивъ голову, тяжело и надрывно кашляла лошадь. Вдоль панелей настоящей лѣсъ выросталь. Елки — большія, въ два человѣческихъ роста — «вотъ такую бы намъ!..», и маленькія, еле отъ земли видныя, въ пять коротенькихъ вѣтокъ становились аллеями. Мохнатыя лапы вѣтвей были задраны кверху и подвязаны мочалой. Цѣлыя горы елокъ безъ крестовинъ были навалены одна на другую. Лавочные молодцы въ полшубкахъ и бѣлыхъ холщевыхъ передникахъ, въ мѣховыхъ шапкахъ похаживали подле, похлопывали руками въ кожаныхъ однопалыхъ, желтыхъ рукавицахъ. У лѣстницъ, ведущихъ въ подвалы стоймя стояли мороженые громадныя осетры и бѣлуги, въ бочкахъ въ снѣгу, какъ въ брилліантовой розсыпи, лежали судаки, стояли корзины съ корюшкой и со снѣтками и вкусно пахло мороженой рыбой. Рядомъ висѣли скотскія туши, дыбились колоды свиней, и въ берестяныхъ лукошкахъ грудами были навалены битые рябчики и тетерки.

Гурочка потоптался по елочнымъ аллеямъ, увидалъ гимназиста болгарина Рудагова, своего одноклассника, и пошелъ съ нимъ въ гимназію.

Праздничное настроеніе его не покидало.

* * *

Въ гимназіи по корридорамъ и классамъ горѣли керосиновыя лампы. Первый

урок тянулся томительно долго. Старый латинист чех вызывал поочереди и шель переводь Саллюстия съ разборомъ всѣхъ грамматическихъ тонкостей латинскаго языка.

Батюшку, конечно, «заговорили». Онъ и самъ охотно пошелъ на это, поддаваясь общему передь-рождественскому настроенію.

Лампы были погашены. Въ окна лился холодный, матовый свѣтъ хмураго зимняго дня. Въ классѣ было свѣжо. Батюшка, высокій и худощавый, въ черной съ просѣдью, красивой бородѣ ходилъ то около досокъ, то въ проходахъ между партъ и рассказывалъ о разныхъ Рождественскихъ обычаяхъ въ Россіи и заграницей.

— Вотъ у насъ, въ Петербургѣ этого нѣтъ, чтобы со звѣздою по домамъ ходить... У насъ только елки — это болѣе немѣцкій обычай... А на югѣ у насъ, и вообще по деревнямъ собираются мальчишки, устраиваютъ этакую пеструю звѣзду съ фонаремъ внутри, свѣтящую на палкѣ и ходятъ по домамъ. Поютъ тропарь праздника и разныя такія рождественскія пѣсни «колядки»... Хозяева надѣляютъ ребятъ чѣмъ, кто можетъ. Кто сластей дастъ, кто колбасы, кто хлѣба, что гусятины, вотъ и у самыхъ бѣдныхъ становится сытный праздникъ Христовъ. Такъ въдь это-же праздникъ бѣдняковъ!.. Праздникъ милосердія и подарковъ... Въ Виелеемскомъ вертепѣ; просто сказать — въ хлѣву — Пресвятая Дѣва Марія родила Отроча млада Превѣчнаго Бога. Ангелы воспѣли Ему хвалу, пастухи поклонились Ему и волхвы изъ далекихъ странъ принесли ему, Младенцу Христу, драгоценныя дары.

Отець Ксенофонтъ окинулъ классъ грустными глазами и сказалъ:

— Ну вотъ ты, премудрый Майдановъ... Чему ты улыбаешься, невѣрь?.. Дарвина понюхалъ — всезнающимъ философомъ себя возомнилъ? Ты, братъ, не стѣсняйся, встань! Когда я тебѣ говорю. Ноги у тебя отъ этого не отвалятся. И руку изъ кармана вынь. Передь духовнымъ отцомъ стоишь. Ты что, братъ, думаешь?.. Сказки рассказываетъ старый попь?

— Я, батюшка, ничего... Только мало-ли легенды?..

— Эхъ, ты стоеросовая дубина!.. Легенда!.. Сказки, скажи!.. Но, почему-же на протяженіи девятнадцати вѣковъ люди живутъ этой легендой, этой сказкой?.. Благоуханно вѣчна она... Вотъ давно-ли народился твой, Майдановъ, Дарвинъ, а уже протухъ, провонялъ, и серьезные ученые отказались отъ него... И вернулись къ тому, что безъ Бога и самого міра не могло-бы быть. Единымъ Божіимъ промысломъ создана вся мудрая механика вселенной... Ты знаешь-ли, всеученый Майдановъ, что въ католической Германіи и Франціи въ этотъ день въ костелахъ устанавливаютъ вертепы? И сколько, подчасъ, тонкаго искусства, глубокой мысли вложено въ эти маленькія раскрашенныя фигурки изъ дерева, изъ гипса, или папье-маше. Въ вертепѣ сдѣланы ясли, солома виситъ изъ рѣшетки, стоятъ волы, осель, овцы. Тутъ-же сидитъ святой Іосифъ и Дѣва Марія. Въ ясляхъ младенецъ Христось... А дальше изображена пустыня, волхвы на верблюдахъ и звѣзда въ небѣ... Прямо картина... Въ этотъ день въ костель идутъ поселяея французы, нѣмцы ремесленники, ведутъ дѣтей, преклоняютъ колѣни передь вертепомъ и смотрятъ, и молятся и сколько тихой радости вливается незамѣтно въ ихъ души... Что-же, премудрый Майдановъ, они всѣ глупее тебя, гимназиста верзилы?.. Ты вотъ доросъ до того, что считаешь, что стыдно молиться Богу и верить въ Него. Погоди!.. Дорастешь и того часа, когда вспомнишь о Немъ и

прибѣжишь подь Его защиту. Только не поздно-ли будетъ? Ну, садись, и помни — сказалъ Христосъ: — будьте такими, какъ дѣти. Ихъ есть Царство Небесное...

Рѣзкій звонокъ внизу, у лѣстницы, возвѣстилъ большую переменѣну. Батюшка поклонился и, шурша пахнущей ладаномъ и розовымъ масломъ рясой, вышелъ изъ класса.

На четвертомъ урокъ, когда смуглый и черноволосый Рудаговъ мучился у доски, не зная, какъ рѣшить уравненіе со многими неизвестными, а Гурочкинъ отецъ въ синемъ вищъ-мундирѣ, заложивъ руки въ карманы, стоялъ сзади него и слѣдилъ за несмѣлыми движениями его руки, то писавшей мѣломъ буквы и цифры, то быстро стиравшей ихъ тряпкой, стеклянная дверь, съ синими тафтяными занавѣсками на нижнихъ стеклахъ пріоткрылась. За нею показалось плоское рыбе лицо инспектора.

— Извините, Матвѣй Трофимовичъ, — негромкимъ голосомъ сказалъ инспекторъ, — пѣвчіе на спѣвку!

Тяжелая тишина класса, где точно ощущались мученія Рудагова у доски, нарушилось. Пѣвчіе вскакивали съ мѣсть, съ грохотомъ бросали пенали въ ранцы, собирали книги и тетради. Раздавались голоса:

— Матвѣй Трофимовичъ, вы позволите?..

— Разрѣшите, Матвѣй Трофимовичъ?..

Смѣлый Гурочка сунулъ въ руку Рудагову шпаргалку — рѣшеніе уравненія и тотъ, воспользовавшись суматохой, развернулъ ее и бойко застучалъ мѣломъ, найдя нужное рѣшеніе.

Гурочка съ другими пѣвчими мчался, прыгая черезъ три ступени внизъ, въ малый залъ, где уже сидѣлъ за фисгармоніей регентъ гимназическаго хора. Тонко и жалобно прозвенѣлъ камертонъ, певуче проиграла фисгармонія: — «до-ля-фа»...

Дружный хоръ гимназистовъ грянулъ:

— Рождество Твое, Христе Боже Нашъ... возсія мірови свѣтъ разума...

Шибко забилось сердце у Гурия... Праздники... Рождество... Елка... подарки всей семьи... Удивительная сила семейной любви и счастья быть маминимъ, иметь сестру и братьевъ, не быть одному на свѣтѣ, сильной волною захлестывала Гурочкино сердце, и звонко звучалъ его голосъ въ хорѣ:

— Въ немъ-бо звѣздамъ служащіи...

II

Гурочка издали увидаль свою сестру Женю. Она спускалась съ подругами съ крыльца на большой, бѣлымъ снѣгомъ покрытый гимназическій дворъ. И точно первый разъ замѣтилъ Гурий, что его сестра совсѣмъ стала барышней.

Въ бѣлой шапочке изъ гагачьяго пуха — охоты дяди Димы — въ бѣлой вуалеткѣ, въ скромной кофточкѣ, она улыбнулась брату одними своими большими лучистыми голубыми глазами.

— Пospѣлъ? — сказала она. — Я знала, что ты придешь меня искать.

— Мама сказала?..

— И безъ мамы догадалась... Услыхала, какъ ты рано подралъ сегодня въ гимназію... Что?.. Елки смотрѣлъ?.. Привезли?..

— Ну. Да.

— Хорошо... Пойдемъ... Я одна боюсь на Невскій... Съ тобой не страшно.

Ты совсѣмъ кавалеръ... Ишь, какъ вытянулся...

Женя была немного выше Гурія. Высокая, стройная, очень хорошенькая, съ чуть вздернутымъ носомъ, съ темными каштановыми волосами и съ свѣтло-голубыми глазами, съ милой счастливой улыбкой на зарумяненныхъ морозомъ щекахъ она шла быстрыми шагами — «по Петербургски» — рядомъ съ братомъ и весело болтала. Оба были бѣдно одѣты. Гурочкино пальто перешло къ нему отъ старшаго брата Володи, его выпустили внизу и домашнимъ способомъ надставляли кверху и все таки оно было коротковато. Отложной воротникъ фальшиваго барашка былъ потертъ и въ сѣрыхъ проплѣшинахъ.

Женя бойко постукивала каблучками кожанныхъ ботинокъ, она не признавала суконныхъ теплыхъ ботишковъ, говоря, что ходить безъ нихъ — Петербургская мода.

Всего три часа было, но уже совсѣмъ стемнѣло. Оранжевыми кругами фонари по улицамъ загорѣлись. Стало, какъ будто еще темнее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уютнѣе и интимнѣе. Мягко и неслышно лошади по снѣгу ступали, быстро скользили безчисленныя санки извозчиковъ. Ласково раздавалось:

— Э-ей, поберегись!..

— Куда-же? — спросила Женя.

— По всему Невскому, отъ самой Литейной.

— Ну, конечно, часы смотреть? — съ ласковой насмешкой сказала Женя.

— Да.

— Успокойся, будутъ у тебя часы. Только покажи, какіе?

— Я хотель... чтобы съ браслетомъ.

— Посмотримъ.

На углу Невского и Владимирской пришлось подождать, пока городской въ черной шинели и валенкахъ, закутанный башлыкомъ, белой палкой не остановилъ движенія. Столько было саней!.. Нетерпѣливо фырчалъ на снѣгу чуждый Петербургу и странный автомобиль.

— Я думаю, ихъ много у насъ не будетъ, — сказала Женя.

— Почему?

— Снѣгъ... Не вездѣ такъ расчищено, какъ на Невскомъ. А по снѣгу машинѣ трудно.

— А какъ хорошо!.. Быстро!.. Удобно!..

Сестра съ любовной насмешкой посмотрела на брата.

— Тебе нравится?

— Оч-чень! Я хотѣль-бы быть шофферомъ!

— Кѣмъ, кѣмъ только не хотѣль ты быть, милый Гурій... Помню, что первое, о чемъ ты мечталъ — быть пожарнымъ... Въ золотой каскѣ.

— Ну, это когда еще было... Я совсѣмъ маленькій былъ.

— Потомъ... почтальономъ.

— Полно вспоминать, Женя, — недовольно сказалъ Гурочка.

— Нѣтъ, постой... Потомъ — ученымъ путешественникомъ, этакимъ Гекторомъ Сервадакомъ изъ Жюль-Верновскаго романа. Ну, а теперь?.. Ты надумаль?.. Кѣмъ-же ты будешь въ самомъ дѣлѣ? Ты уже въ пятомъ классѣ. Еще три года — и всѣ дороги тебѣ открыты. Университетъ?.. Политехникумъ?.. Инженерное училище?.. Военно-Медицинская академія?.. Куда?.. Можетъ быть офицеромъ будешь, какъ дядя Дима?.. Какъ дядя Тиша?..

— Я, Женя, какъ то еще не думаль объ этомъ.

— А, я!..

— Ну, знаю... Артисткой!..

— Ты помнишь дядю Диму? — перемянула тему Женя.

— Очень смутно... Я былъ совсѣмъ маленькимъ, онъ юнкеромъ тогда былъ. Я немного боялся его. Помню, что онъ приходилъ со штыкомъ и долго одевался въ прихожей; мама всегда ему башлыкъ заправляла. Володя его штыкъ-юнкеромъ прозваль... Помню еще стихи про него говорилъ Володя: — юнкеръ Шмитъ изъ пистолета хочеть застрелиться.

— Охъ, ужъ этотъ нашъ Володя!

— А что?..

— Летить куда-то...

— Вверхъ?

— Боюсь, что въ бездну.

Удивительный Невскій перспективу свою передъ ними открываль. Дали темны и прозрачны были. Въ густой лиловый сумракъ уходила череда все уменьшающихся фонарей и дальніе казались звѣздами, спустившимися на землю. Отъ витринныхъ огней магазиновъ желтоватый свѣтъ лился на широкія панели. Изнутри у самыхъ стеколъ были зажжены керосиновыя лампы, чтобы стекла не покрывались морознымъ узоромъ, закрывавшимъ выставки.

Густая толпа народа шла по Невскому. Модный былъ часъ — четыре. Женя съ Гуріемъ шли быстро, искусно лавируя въ толпѣ. Это тоже было по «Петербуржски». Они гордились тѣмъ, что были Петербужцами, что въ толпѣ не терялись, что эта нарядная толпа, суета передпраздничной улицы были имъ родными, съ дѣтства привычными. Гдѣ уже очень стало много народа, за Пассажемъ, Женя взяла Гурія подъ руку и мило улыбаясь шепнула: — «совсѣмъ кавалеръ»...

Они вспоминали всѣхъ родныхъ, говорили о томъ, кто что и кому подарить на елку. Это называлось у нихъ «дѣлать переключку».

— Ахъ, Володя!.. Володя!.. Онъ старше тебя, онъ долженъ бы быть ближе ко мнѣ. А мы съ нимъ точно чужіе. И всегда то онъ меня обижаетъ. Очень уже онъ умный. Ты, Гурочка, мнѣ милѣе, ты проще.

— Мерси.

— Какъ думаешь, какого звѣря пришлетъ намъ дядя Дима въ этомъ году?.. Въ прошломъ году онъ прислалъ намъ тигровую шкуру... Своей охоты.

— Слона!

— Милый Гурочка, слоны въ Туркестанѣ не водятся. Дядя Дима самый далекій отъ насъ... Страшно подумать... Въ Пржевальскѣ... Почти полторы тысячи верстъ отъ желѣзной дороги. Дядя Тиша на хуторѣ.

— Мнѣ всегда, Женя, почему-то вспоминается «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» Гоголя. Ты бывала у тети Нади... Похоже?..

— Да, если хочешь. Просто, уютно, очень сытно... Мило... своеобразно... Патриархально...

— Всегда намъ на праздники шлютъ то гусей, то индюковъ, то поросенка... А помнишь, соленый виноградъ... или соленый арбузъ. Розовое варенье. Пальчики оближешь. Ароматно, вкусно...

— А въ общемъ, точно тонкую бумагу кляксъ-папиръ жуешь.

— Они богатые?

— Как сказать?.. Трудятся... Домъ у нихъ лучшій на хуторѣ, подъ железной крышей... Опять-же онъ есаулъ.

— Не правда-ли, какъ это занятно, что у насъ дядя казакъ...

На углу Михайловской, гдѣ былъ громадный домъ-дворецъ Елисеѣва, нельзя было не остановиться. Въ гигантскихъ окнахъ — въ Петербургѣ еще и не было такихъ — горами сласти и фруктовъ были навалены. Большая кисть желтыхъ банановъ съ потолка свѣшивалась, финики въ длинныхъ овальныхъ коробкахъ, винныя ягоды, изюмъ трехъ сортовъ, яблоки пунцово-красныя, зеленыя, оранжевыя, почти бѣлыя, розовыя, длинныя, продолговатыя Крымскія, плоскія, какъ рѣпа — «Золотое сѣмячко», виноградъ восьми сортовъ, апельсины, мандарины, ананасы — все глазъ ласкало и странныя мысли о далекихъ странахъ навѣвало. Когда двери открывались, изъ ярко освѣщеннаго магазина тянуло прянымъ, «экзотическимъ» запахомъ ванили и плодовъ.

— Какіе мандарины! — воскликнулъ Гурочка. — Ты видишь, Женя?.. Больше апельсиновъ... И совсѣмъ плоскіе. Это изъ подъ Батума. А тамъ японскіе какисы... Такихъ у насъ на елкѣ не будетъ.

— Ты завидуешь?

— Ничего подобного... Мама вѣрно говоритъ: — Бога гнѣвить нечего... все у насъ есть... слава Богу, сыты, обуты, одѣты. А вѣдь есть голодные... Мама всегда учила — не смотри на богатыхъ и не завидуй имъ, а смотри на бѣдныхъ и жалѣй ихъ.

— Мамина мудрость.

Не доходя до Мойки Гурочка потащилъ сестру переходить Невскій. Женя догадалась въ чемъ было дѣло.

— Часы?..

— Да. У Буре.

Окна часового магазина были высоко надъ землею и надо было издали смотрѣть на выложенныя на бархатные щиты золотыя, серебряныя и темной стали кружки часовъ.

— Постоимъ, — вздыхая сказала Гурочка.

— Хороши?

— Оч-чень.

— Какіе же тебѣ приглянулись?..

— Вонъ тѣ маленькіе... никкелевые... со свѣтящимся циферблатомъ и съ ремешкомъ.

— Будутъ твои... Только это большой секретъ и прошу меня не выдавать. Мама сказала, что дѣдушка еще шой секретъ и прошу меня не выдавать. Мама сказала, что дѣдушка еще на прошлой недѣлѣ прислалъ тебѣ на часы.

— Женя!.. милая!..

— А ты знаешь, что мы пошлемъ дѣдушкѣ. Это Шура придумала. Молитвенникъ въ переплетѣ темнаго бархата. Каждая страница въ узорной цвѣтной рамкѣ. Узоръ вездѣ старинный, Русскій. Сто страницъ въ молитвенникѣ, и узоръ нигдѣ не повторяется. Это очень дорогое Синодальное изданіе. Я видала. Очень красиво. Оч-чень!

— А папѣ — масляныя краски. Какъ давно онъ мечтаетъ о нихъ. Это рѣшено...

— Да, Шурѣ поручено ихъ подобрать.

— У Даццаро?..

— У Аванцо. Хочешь посмотреть?..

Гурочка поняла хитрость сестры и локтем прижалась ей локоть.

— Знаем... знаем, — сказала она.

— Ну, что знаешь, — притворно равнодушно сказала Женя. — Ничего ты, мой милый, не знаешь...

Но у ногного магазина Юргенсона Женя замедлила шаги, а потом и вовсе остановилась. Ни интересного, ни красивого там ничего не было. Разложены были нотные тетради с крупными заголовками, но за стеклянными дверями блѣдно-голубая, розовая и бѣлая афиши висѣли. Онѣ-то и привлекли внимание Жени.

«Концертъ солистки Императорскихъ театровъ Маріи Ивановны Долиной»... «Концертъ народной пѣсни Надежды Васильевны Плевицкой»... «Концертъ Анастасіи Димитріевны Вяльцевой»... Вечеръ романса... Концертъ... концертъ... концертъ...

Эти афиши точно заколдовали Женю. Она и холодъ позабыла. Маленькія ножки въ старенькихъ ботинкахъ стыли на снѣгу. Женя толталась на мѣстѣ и все не могла отойти отъ этихъ заманчивыхъ афишъ. Открывалась дверь магазина. Душистымъ тепломъ тянуло оттуда. Видны были пустые прилавки и скучные шкапы съ картонками. Женѣ казалось, что несло изъ магазина запахомъ сцены и эстрады, ароматомъ артистической славы. Сюда за нотами ходили артистки.

Артистки!!

Гурочка равнодушно просматривала афиши.

— Вотъ и тебя, Женечка, когда нибудь такъ аршинными такими буквищами про-пе-чатаютъ: — «концертъ пѣвицы Евгеніи Матвѣевны Жильцовой»... Да, нѣтъ!.. Ты будешь въ оперѣ... И я, гимназистъ седьмого класса, изъ райка буду неистово орать: — «браво Жильцова!.. Жильцова бись!»...

— Тише ты!.. Съ ума спятилъ!.. На насъ оборачиваются... Смотрятъ на насъ.

— Привыкай сестра... Артистка!.. Талантище!..

— Идемъ домой... Поди, тоже замерзъ, какъ и я...

III

Артистка!..

И точно Женя мечтала стать артисткой. Все это такъ неожиданно, чисто случайно вышло нынѣшнимъ лѣтомъ.

Женя гостила у тети Маши на дачѣ въ Гатчинѣ. На стеклянномъ балконѣ въ одномъ углу горничная на гладильной доскѣ горячимъ утюгомъ гладила бѣлые трехъ барышень, двоюродныхъ сестеръ Жени — Шуры, Муры и Нины, въ другомъ Женя разсыпчатое тѣсто для печенья готовила. Съ пальцами, перепачканными масломъ и мукою Женя во все горло пѣла по памяти, слышанный ею отъ матери старинный романсъ.

— «Не искушай меня безъ нужды

Возвратомъ нѣжности твоей

Раз-очарованному чужды

Все обольщенья прежнихъ дней»...

— Вотъ хорошо то, барышня, чистый соловей, — похваливала горничная, нажимая утюгомъ на плейку.

Воробы за раскрытыми окнами трещали. Въ зелени яркихъ турецкихъ бобо-

въ съ коралловыми кисточками цвѣтовъ рѣяли бабочки. Голубое небо висѣло надъ садами. Томительно прекрасна была тишина жаркаго полудня.

— «Нѣмой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнемъ слова,
Такъ другъ заботливый больного
Его дремоты не тревожь»...

Внезапно дверь отворилась и прямо на балконѣ появился человекъ въ соломенной панамѣ, въ свѣтломъ летнемъ костюме и съ тростью въ рукѣ.

Женя, какъ испуганная птичка, вспорхнула и умчалась, оставивъ доску, стеклянную рюмку и рядъ желтоватыхъ кружковъ на желѣзномъ листѣ. Горничная вопросительно смотрѣла на вошедшаго.

— Скажите, милая, кто это у васъ тутъ пѣль?..

— А пѣль-то кто?.. А барышня наша, Евгенія Матвѣвна.

— Могу я видѣть ея мамашу?

— Маменька ихъ здѣсь, тоже въ гостяхъ... Если чего надо, скажите, я пойду доложу. Какъ сказать-то о васъ прикажете?

— Скажите, господинъ Михайловъ изъ Русской оперы.

Женина мать, Ольга Петровна, получивъ докладъ, вышла на балконъ. Она была смущена. На ея свѣжихъ щекахъ проступили красныя пятна. За дверью невидимыя и неслышныя стали Женя и ея двоюродная сестра Шура.

— Простите меня, сударыня, — сказалъ господинъ Михайловъ. У него были мягкія манеры и вкрадчивый пріятный голосъ. — Можетъ быть, мое вторженіе покажется вамъ неделикатнымъ и совершенно напраснымъ для васъ безпокойствомъ. Но, какъ артистъ, я не могъ... Я проходилъ мимо вашей дачи, когда услышалъ пѣніе... Божественный, несравненный романсъ Глинки. Я просто таки не могъ не зайти и не поинтересоваться, кто же это такъ очаровательно поетъ? Сказали — ваша дочь... Простите, ваша дочь училась?.. учится?.. готовится куданибудь?..

— Нѣтъ. Она сейчасъ въ гимназіи... Она только въ церковномъ хорѣ поетъ. Вотъ и все.

— Но вѣдь это несомнѣнный талантъ!.. Голосъ!.. Ей необходимо учиться... Такая рѣдкая чистота, такой тембръ... Фразировка... Можно думать, что ей ктонибудь уже поставилъ голосъ. А вы говорите, что это безъ работы, безъ тренировки... Это-же феноменально...

Ольгѣ Петровнѣ ничего не оставалось, какъ пригласить господина Михайлова въ гостиную. Неудобно казалось оставить его передъ пахнущими ванилью кружками изъ теста и простенькими панталончиками въ плейкахъ Шуры, Муры и Нины.

Господинъ Михайловъ сѣлъ подъ высокими фикусомъ, въ кресло, поставилъ между ногъ палку съ золотымъ набалдашникомъ, повѣсилъ на нее свѣтло-желтую панаму и съ тѣми актерскими, плѣнительными ужимками, которыя невольно покоряли смущенную Ольгу Петровну, сладкимъ ворковалъ баритономъ:

— Я могу устроить вашей дочери пробу у Феліи Литвинъ.

— Я не знаю право... Моя дочь раньше должна окончить гимназію.

— Я понимаю, сударыня... Я все это отлично даже понимаю. Можетъ, васъ стѣснять?.. Нѣтъ?.. Увѣрю васъ... госпожа Вельяшева съ удовольствіемъ займется съ вашей дочерью... А тамъ консерваторія... И, если ничего неожидан-